

Елена Басалаева

Гены

1.

Двадцать девять лет Ольга прожила, не зная родного отца и даже не пытаясь его искать. У неё были мама, отчим, бабушка с дедом, двоюродная сестра, позже появились муж и сын, и всех их Ольге вполне хватало для того, чтобы не страдать от отсутствия отца и особенно не интересоваться его судьбой. Были, конечно, вопросы о папе, естественное детское любопытство, но оно, кажется, вполне удовлетворялось скупым маминым рассказом о том, что кровный отец уехал в другой город и живёт далеко-далеко.

Только иногда бабушка, делая с маленькой Олей уроки, начинала ворчать на её рассеянность и невнятно намекала, что это «не в мать, не в мать». Тёмные прямые мамины волосы тоже были не похожи на Ольгины каштановые локоны. Но такие вещи, хотя время от времени всплывали, казались чем-то незначачим, вроде воспоминаний о прошлых жизнях, какие приписывает себе множество людей. А то, что мать и её родня были сплошь технари, в то время как Ольга любила литературу и пошла на библиотечное дело, казалось обыкновенной игрой случайностей.

Может быть, так продолжалось бы и дальше, но совсем близко к юбилею лучшей подруга, Ленка, которой тоже должен был скоро стукнуть тридцатник, заманила Ольгу на семинар из пяти серий. Семинар назывался «Секреты женского успеха» и вызвал у Ленки искренний восторг.

— Я на йоге два купона взяла, как раз, думаю, в следующие разы пойду с тобой. Пришла на первое, вводное, занятие, оно бесплатно. Тренер начинающий, берёт недорого... Поговорили — отпад! О том, что для достижения успеха и благополучия надо менять круг общения. Влиться в среду энергичных, целеустремлённых людей! — Ленка яростно терзала в пальцах белую соломинку. — Заряжаться от них силой! Вообще, там говорили про то, что мы тоньше, чем мужики... Лучше настроены на эти... на энергии Вселенной. Только нужно научиться это всё ловить. Иначе так и погрязнем в бытовухе! Вон, полжизни уже прошло — надо расти дальше, надо что-то менять!

Ольга рассеянно кивала, прихлёбывая остывший кофе. Что-то поменять в жизни ей хотелось каждую пятницу, когда в школе проходила

планёрка и её, заведующую библиотекой, отчитывала за какую-нибудь ошибку в документах сварливая директриса. К тому же сопротивляться Ленке было трудно: с детских лет в их тесной дружбе верховодила именно она, а Ольга повсюду за ней тянулась. В школьные годы Ленка приобщила Ольгу к лыжным прогулкам. Потом стала таскать по квартирникам, на одном из которых Ольга познакомилась со своим будущим мужем. Когда детям обеих подруг (мальчишки появились на свет с разницей всего в четыре месяца) исполнилось по году, уговорила записаться на плавание и развивашки. Были в списке Ленкиных увлечений и кулинария, и поездки по святым местам. И вот теперь наступил черёд книжек по саморазвитию, которые, по уверению Ленки, обязательно стоило дополнить очными семинарами.

Начинающий женский тренер оказалась дамой средних лет, приятной полноты, одетой в каком-то сельском стиле: длинная расшитая тесьмой крепдешиновая юбка, блузка с вырезом лодочкой, красные туфли на низком квадратном каблучке. Кроме Ленки и Ольги, в креслах сидели ещё четыре женщины — все уже немолодые, одна и вовсе явно за шестьдесят. Но не успела Ольга мысленно попенять подруге на то, что та притащила её в какой-то пенсионерский кружок, как тренерша, ласково улыбнувшись, зашелестела, будто берёзка на ветру: — Дорогие девочки! Усыдьтесь поудобнее, расслабьтесь, настройтесь на хорошее... Вот, вот, умницы... Для тех, кто не был в прошлый раз, коротко повторю: мы с вами будем учиться взаимодействовать с миром, со Вселенной, и понять, как это прекрасно — быть женщиной. Главное — это осознание того, что своей жизнью можно управлять. Получать от мира всё, что хочется вам.

«Уж, наверно, не совсем всё», — с сомнением подумалось Ольге.

Но тренер, будто подслушав её мысли, уверенно продолжала:

— Буквально всё, чего вы желаете. Будь это успешная карьера или удачное замужество, причём одно будет гармонично сочетаться с другим. Останется время и для хобби, самореализации.

Последние слова заставили Ольгу взбодриться и слушать внимательней. Она со школьных лет

писала стихи, не забросила это занятие даже после рождения ребёнка, но печаталась всего пару раз в местной газете и вообще стеснялась своего увлечения, хотя в то же время мечтала о том, что её будут читать не только доброжелательно настроенные коллеги, но и кто-нибудь ещё.

— Сегодня, дорогие девочки, мы с вами вернёмся в своё детство, — ележно улыбнулась тренерша. — Потому что от детства зависит очень, очень многое... В те времена, когда вы были маленькими, беззаботными, когда главными людьми в вашей жизни, вашими добрыми волшебниками были два человека — папа и мама... Давайте сегодня вспомним их, поблагодарим их за всё, что они для нас сделали! Закройте глаза, — тренерша прикрыла веки, и стали видны её густые наращённые ресницы, — и представьте их: маму и папу.

Ольга робко подняла руку:

— А если не родной отец, а отчим, это ничего?

Тренерша остановилась и замерла, будто не поняла вопроса, а осознав, что ей говорят, сделала такое горестное лицо, что Ольга даже испугалась и сочла нужным объяснить:

— У меня отчим был, в позапрошлом году умер, царство ему небесное. Он меня...

— Это не то, не то! — перебила тренерша, сохраняя наисерьёзнейшее выражение лица, и пошла сыпать серьёзными словами: — Другие люди, конечно, могут принести позитивные изменения в нашу жизнь, но родители — это, девочки мои... это совершенно, совершенно другое. Без папы вы стоите на одной ноге. Это наши гены! Наша связь с поколениями предков. Отец — это сила, энергия, мощь, это успех в социальной жизни. Отношения с отцом напрямую влияют на наше материальное положение! Мужская линия, мужской канал — это денежная энергия! И наиболее важны в этом плане именно отношения с родным отцом, который дал вам жизнь. Понимаете?

— Понимаю, — невольно согласилась Ольга, вспомнив, как директриса пригрозила лишением премии за нехватку учебников русского на следующий год.

— Прекрасно! Вам задание на следующий раз: обязательно найти отца, позвонить ему, написать, — одним словом, максимально постараться восстановить с ним связь! Остальных тоже касается! Понятно?

— Понятно, — со вздохом отозвалась Ольга. — Только я не знаю, как его искать. С самого детства не общались. И воспитывал меня другой человек, кстати, хороший...

Тренерша посмотрела на Ольгу, словно на неразумного ребёнка:

— Вот когда вы найдёте своего родителя, когда поговорите о нём с вашей мамой, о том, как они встретились, полюбили друг друга, почему потом разошлись, когда вы от всей души поблагодарите

отца за всё, то увидите, как станет меняться ваша жизнь. Наступит гармония в душе, начнут раскрываться таланты... Вы сами всё увидите. Ну а теперь закрываем глаза и продолжим медитировать.

2.

Мать, всегда скупая на слова, сообщила и без того известные сведения:

— Я с ним рассталась почти сразу, как ты родилась. Я же тебе говорила. Он уехал в другой город, первое время писал письма, присылал деньги. Потом, года через два, перестал. У него там появилась другая семья. А потом я встретила дядю Лёшу... Можно подумать, ты этого всего не знаешь. Спасибо бабушке, помогла мне с тобой маленькой. Вот кого надо помнить и благодарить.

Ольга слышала всё это много раз, но теперь мамина немногословность её раздражала:

— Ну как уехал-то? Другую нашёл?

— Другую нашёл.

— Влюбился?

— Похоже на то, — мама явно не хотела говорить на эту тему.

— И тебя... бросил?

— И меня бросил, — подтвердила мать скупой, будто в справке.

— Ясно, — Ольга не умела настаивать на своём и почти смирилась с тем, что больше информации получить не сможет. — Дай мне фотку его, пожалуйста. Я помню, у тебя маленькая хранится.

Мать открыла один из тяжёлых семейных альбомов и, перелистнув несколько страниц, достала крохотное фото на водительское удостоверение. Глубоко вздохнув, она пригладила фото пальцем и неожиданно заговорила о бывшем возлюбленном: — Шутить он любил... И всё глупо. То на Новый год ходил соседней поздравлять, то на балкон лазил, сирени мне нарвал. Петь любил. Кораблик однажды сделал из дерева...

— Как интересно! — воскликнула Ольга.

— Это фокусы всё, — насупилась мать и тут же прервала воспоминания. — Зря ты его хочешь найти. Если бы он был приличный человек, он бы хоть раз сюда приехал. У него ведь, кроме тебя, ещё старший ребёнок тут, от первого брака. Валера зовут.

Ольга не верила своим ушам:

— Ещё ребёнок?.. Почему ты мне раньше это не говорила?

— Ты не спрашивала, — резонно ответила мать. — И вообще, не о чем тут разговаривать. Было и прошло. Это чужие люди. Если хочешь, забери фото и успокойся.

Мысли об отце не выходили у Ольги из головы всю дорогу до дома. Она сама удивлялась тому, что столько лет не задумывалась о нём. Кто он? Что за человек? Мать наверняка сгущает краски. Может быть, случилась какая-нибудь глупая ссора?.. Или отец вовсе не знал о том, что будет ребёнок?

За последнюю мысль Ольга зацепилась особенно охотно. Гордый и молчаливый нрав её мамы позволял допустить подобное. Ярко полыхали в памяти слова тренерши: «Без отца вы стоите на одной ноге!» Ведь, пожалуй, это действительно так. Вот у Ленки есть отец—вполне приличный человек, и она, хотя тоже жалуется на жизнь, поехала с ним по стране, да и сейчас отдыхает каждый год в Сочи. Отец наполняет уверенностью—так, кажется, говорили на тренинге... А покойный дядя Лёша не наполнял—сам проработал всю жизнь простым монтажником, ни к чему не стремился. Даже за здоровьем своим не следил, потому и умер так рано...

Ольга хотела начать поиски прямо сразу, только переступив порог квартиры, но надо было готовить ужин, заниматься ребёнком. Назавтра подтянулись рабочие дела, и в конце концов она решила дожидаться ближайшего выходного, чтобы не надо было куда торопиться. Удобно расположившись за компьютером, Ольга открыла страницу «ВКонтакте» и начала поиски. Набрала отцовские имя и фамилию, выбрала город. Появился длинный список. Ещё никогда Ольга не задумывалась о том, какое благо человечеству принесли соцсети: раньше ведь в таких случаях, как у неё, родственников искали через радио, через письма, мутрно и долго...

Она крутила вниз колёсико мышки. Отцовская фамилия была распространённой, и на странице отобразилось сразу длинная цепь фотографий и надписей. Никого подходящего среди них не находилось. Ольга разглядела ногтем залом на крохотном фото, взгляделась в малознакомые до сих пор черты. На неё смотрел мужчина с правильным овалом лица, высоким лбом, чуть улыбающимися крупными губами, широкими дугами бровей. Ольга вспоминала чеканные, полные уверенности слова тренера и всё больше укреплялась в мысли, что именно из-за отсутствия отца ей сейчас живётся так тяжело и скучно. В самом деле, что у неё есть? Вечно болеющий ребёнок, каторжная шестидневка с редкими подарками в виде нерабочих суббот, тесная «двушка», старая мужнина «Приора», которую он никак не может поменять на машину получше. Суета и тревога. Фото отца—полного сил, ещё совсем молодого человека—было будто окном, ведущим в другую, более счастливую жизнь.

Ольга прокрутила ленту до самого конца, но искомого так и не нашла. Тогда ей в голову пришла идея—поискать не самого папу, а его сына. Того самого Валеру, о котором обмолвилась мать. Интересно, отцовская ли у него фамилия?

«Валерий Ларионов»,—набрала Ольга в строке поиска и отметила предполагаемый возраст: до сорока.

Первыми попались молодые парни, даже подростки. Ольга настроила нижнюю границу возраста: от тридцати. Осталось всего шесть Валериев

Ларионовых, точнее, четыре Валерия, один Валера и один Валерка. Все они казались одинаково чужими, непохожими на отцовское чёрно-белое фото.

Фотография одного из Валериев ярким пятном выделялась в ленте. Ольга щёлкнула мышкой: в увеличенном виде фото представляло собой парадный портрет русоволосого добра молодца в рубашке-косоворотке и с повязкой на голове, которую—Ольга запомнила—на библиотечной выставке русского костюма называли каким-то специальным словом, кажется, на «ч».

Другие фото у этого Валерия тоже были интересные: то он располагался на берегу реки с друзьями на фоне алеющего заката, то стоял на сцене в парке с гитарой, то поднимал вместе с какой-то симпатичной женщиной бокалы, то нёс на плечах смеющуюся девочку... Всегда вокруг него были люди—много людей, и все они казались Ольге красивыми, излучающими довольство. По всем фотографиям было видно, что автор странички умеет жить и не думает только о том, как посчитать копейки до зарплаты. Даже на самых простых снимках одежда у него была не серо-чёрная, в какой обычно ходят мужики, а модная: бордовый бомбер, тёмно-синий пиджак, белый свитер, клетчатые брюки.

Валерий стоял в группах «Славянский хор» и «Земля предков», также изобилующих красивыми фотографиями, и чем дальше Ольга изучала его страницу, тем сильнее в ней билась мысль, что это он должен оказаться её братом. Ей хотелось, чтобы брат у неё был именно такой—интересный, яркий, активный. Такой, каким наверняка был и отец. Какой может, если захочет, стать и она—в самом деле, не зря же они попали вместе с Ленкой на этот тренинг!

Ольга, нервничая всё больше, просмотрела всю информацию на странице своего предполагаемого брата. Всё подходило к тому, что рассказывала мама: и возраст—на пять лет старше Ольги, и школа, и, наконец, группа «Томск и томичи», в которой состоял Валерий,—отец, по словам матери, родился и вырос именно в Томске.

Ольга судорожно провела руками по лицу, спрятала его в ладонях. Кажется, она не волновалась так, даже когда выступала на городской конференции для библиотекарей. Даже когда осмелилась прочитать свои стихи на корпоративном восьмомартовском застолье.

Она открыла окошко с сообщениями, но, передумав, пока что свернула вкладку. Если Валерий Ларионов—актёр, то, наверное, о нём должно быть что-то в интернете? Не лучше ли сначала узнать о нём побольше, а уж потом писать?

Она пробежала глазами несколько вкладок, где брат—или, может быть, всё-таки не брат—упоминался как артист музыкального театра, открыла окошко с видео под названием «Жизненный выбор». Это оказалась передача, где, по заверению

ведущего, несколько смелых людей отважились коренным образом поменять свою жизнь. Перемотав трёх ненужных незнакомец, Ольга дошла до места, где о себе рассказывал Валерий, и поразились, как складно, спокойно он говорил. Суть его рассказа была в том, что когда-то он поступил в пединститут, работал учителем, потом метеорологом, но к возрасту Христа понял, что в жизни определённно стоит что-то менять, и воплотил свою мечту детства—петь и играть на сцене.

К концу видеофрагмента Ольга смотрела на Валерия уже с восхищением. Если бы у неё было столько смелости! Вряд ли она сидела бы тогда в школьной библиотеке... Будь она такой же смелой, как брат, наверное, издала бы книжку своих стихов, а потом ещё одну... Правда, нужно ещё выяснить: брат ли он ей? Обязательно должен быть, раз они оба творческие люди! Это всё, конечно, отцовские гены! Ольга почувствовала в себе раздражение на мать, на её всегдашнюю отстранённость и молчаливость. Сло́ва из неё клещами не вытянешь! И об отце молчала как партизанка—столько лет! Всё из-за давней обиды. А ведь наверняка было что рассказать: кем он работал, каких достиг успехов... Наверняка он чего-нибудь добился, раз у него вырос такой сын!

Ольга решила начать издаека. Несколько раз останавливаясь и редактируя написанное, она отправила сообщение: «Здравствуйте, Валерий! Я узнала о вас не так давно, но хочу сказать, что восхищаюсь вашим творчеством. Я посмотрела передачу „Жизненный выбор“ с вашим участием и всецело поддерживаю вас в том, что нужно делать в жизни то, что хочется. К чему стремитса наше сердце».

Пока она раздумывала, не слишком ли эмоциональным получилось сообщение, от адресата уже пришёл ответ, состоящий из четырёх смайликов: улыбки, цветка, солнца и сердца.

«Я тоже занимаюсь творчеством,—Ольгины пальцы смелее застучали по клавиатуре.—Хочу показать вам свои стихотворения».

«Спасибо за внимание, стихи оригинальные»,—пришёл ответ, снова щедро одобренный картинками.

«Теперь стоит сказать, почему я, собственно, обратилса к вам... Вы не знаете Анатолия Ларионова? Он родился в 1963 году».

«Знаю, это мой отец. А что?»—ответ на сей раз пришёл без картинок.

И Ольга решила:

«Дело в том, что это и мой отец тоже... Я никогда не знала его и, честно говоря, не очень интересовалса (о чём жалею), но всё-таки я его дочь... Ваша мама, получается, была его первой женой, а моя—второй. Выходит, что я ваша сестра...»

Ответа на это сообщение не было долго. Ольга не выпускала телефон из рук целый час, раз

в десять минут тыкая во вкладку «Мессенджер», но там не появлялось ничего нового. Надо было заниматься домашними делами, да и сын, Ванька, давно путалса рядом, всячески намекая, что пора закрыть эти скучные вкладки и запустить мультики.

Ответ появился только через день, в понедельник, когда Ольга уже была на рабочем месте. Валерий писал: «Вы точно не ошиблись? Я не слышал о вас».

Ольге не было обидно от такого подозрения. Она спокойно объяснила, что нет, ошибки быть не может, и коротко пересказала все скупые сведения, которые узнала от матери.

«Понятно. Что ж, будем знакомы»,—написал Валерий.

Ольга улыбнулась: это было уже кое-что.

«Вы можете рассказать мне что-нибудь об отце?»—спросила она.

Ей очень хотелось назвать брата на «ты», но она решила пока не торопиться. Ведь всё-таки жил человек тридцать пять лет и ведать не ведал о том, что у него есть сестра,—надо дать ему время привыкнуть!

Рассказал Валера об отце до обидного мало: что родился тот действительно в Томске, выучился сначала на резчика по дереву («Как Цой!»—сразу отметила про себя Ольга), потом на электрика, каковым и работал всю жизнь, а пять лет назад умер. Ольга мгновенно решила, что остальное, более интересное, нужно будет узнать при личной встрече.

«Как жаль! Но зато мы с вами познакомились»,—написала она Валере.

Дома она поспешила поделиться новостями с мужем и сыном:

—Ребята, представляете, я искала своего отца, а нашла брата!

—Кого?—подумав, что ослышался, переспросил Андрей, не донеся до рта вилку со спагетти.

—Брата!

—Двоюродного, что ли?..

—Нет, самого настоящего, родного... По отцу. Представляете?!

После радостного и сбивчивого Ольгиного рассказа Ванька воодушевился не меньше своей мамы: —У меня раньше была только тётя Аня, а теперь будет ещё дядя Валера! Когда мы его увидим?

Ольга смутилась: насчёт встречи они с братом пока не разговаривали.

—Ну, раз вы так вот нашлись, зови его сюда, что ли,—предложил Андрей.

В ответ на предложение увидеться Ольга получила сообщение, в котором Валера приглашал её с семьёй сходить на мюзикл «Стань счастливой», а потом, может быть, и пообщаться.

—Понятно,—со скептической ухмылкой отозвался муж.

На спектакль они отправились втроём. Хотя в афише мюзикла указывался рейтинг «16+», Ванька заявил, что непременно хочет поглядеть на дядю и познакомиться с ним. Билеты купили в третий ряд, благо их цена не слишком ударила по карману. Перед самым началом представления Ольга получила от Ленки мотивирующую эсэмэску: «Дерзай! Будь смелее»,— и настроилась на то, что сегодня её жизнь начнёт меняться.

Спектакль был шумный, загромождённый, и Ольга сама не совсем разбиралась, что в нём к чему. Андрей потихоньку поглядывал в телефон, а Ванька первые пятнадцать минут во все глаза таращился на сцену, время от времени легонько толкая мать в бок и спрашивая у неё громким шёпотом: — Это мой дядя? Или это?

Смысл мюзикла от него ускользал с космической скоростью, и когда главная героиня после всех обрушившихся на неё бед заплакала, заламывая руки, Ванька только смог объявить со вздохом: — Хорошо, что хоть не наш дядя обидел эту женщину...

Дядя Валера в образе журналиста появился через полчаса. Получив от матери подтверждение, что это именно он, Ванька яростно замахал руками. Ольга, конечно, одёрнула его, но где-то в глубине души порадовалась: вот как ребёнок хочет познакомиться с родным человеком! Всё-таки дело большое— гены! Сама она смотрела на происходящее на сцене с большим вниманием. Хотелось подпевать, стучать ногой в такт мелодии, смеяться.

Мюзикл закончился, артисты, взявшись за руки, вышли на поклон, и тут Ольга сообразила, что нужно было купить цветы.

— Ничего, без цветов обойдётся, не девушка,— сказал Андрей, явно радующийся тому, что цыгански-шумное зрелище больше не будет действовать ему на нервы.— Я пока в гардероб.

Ольга с Ванькой попытались протиснуться к сцене, но справа и слева их окружила людская река, и пока они пробивались вперёд, артисты уже удалились за кулисы.

— А где дядя?— настойчивым тоном спросил Ванька.

Ольга растерянно озиралась по сторонам. — Сейчас, сейчас, сына... Мы его встретим около входа. Он ведь сейчас соберётся и выйдет!

Андрей, уже одетый в пальто, поджидал семью около тяжёлых театральных дверей.

— Мы его сейчас тут вот, возле входа, подождём,— объяснила Ольга, почему-то чувствуя себя виноватой и перед мужем, и особенно перед сыном.

Хлопали двери, и в синюю декабрьскую ночь уходили один за другим посетители театра: одни— разговаривая и смеясь, другие— молча. Каждую фигуру Ольга провожала с замиранием сердца.

Одному человеку она даже попыталась заглянуть прямо в лицо, едва не перегородив дорогу. — Что ты мучаешься? Позвони ему на сотовый,— предложил муж.

Ольга опустила глаза:

— Он не дал мне телефон...

— Понятно,— вздохнул Андрей и обратился к сотруднице театра, одетой в новенькую, с иголки, тёмно-синюю форму:— Подскажите, а артисты здесь выходят?

— Артисты? Нет,— удивлённо ответила сотрудница.— Они там, направо у них есть специальный выход...

Выдыхаемый воздух белым парком поднимался в морозную стынь, и вместе с ним потихоньку таяла Ольгина мечта встретиться сегодня с братом. На небе ярко горели редкие звёзды— далёкие, неподвижные. Узкая серая дверь яростно хлопала, выпуская то мрачную пожилую даму, то стайку ярко накрашенных девиц из подтанцовки, то пару спорящих на русском матерном приятелей, которые, ожидая машину, заметили Ольгу с семьёй и окинули их долгим вопросительным взглядом.

Когда приятели сели в авто, на верхнем этаже театра внезапно выключился свет. Минуту-другую дверь молчала, и, не глядя Ольге в глаза, Андрей наконец произнёс:

— Ушёл ваш дядя... Поехали домой.

4.

Проснулся Валера от головной боли. Вчера, когда дедморозил с Маринкой, в двух местах налили вина, в третьем— какой-то жижки покрепче, да ещё на ночь глядя вдвоём забежали к Жорке, выпили за успех сезона. Актёрствовал Валера всего три года и мастером себя не считал, но Дед Мороз из него получался что надо— высокий, статный, басистый. Что говорить, внешностью Бог не обидел. Благодаря ей Михалыч поставил его играть Ивана в сказку про Василису Прекрасную, пусть и вторым составом. Сказка вышла красивая, одни фотки чего стоят— загляденье! В остальных спектаклях Валере не давали главных ролей, всё время он изображал кого-то типа тени отца Гамлета: денщика, слугу, малоинтересного друга героя...

Хорошо, что на репетицию (в театре говорили— «репу») сегодня надо было идти не с самого утра, а к одиннадцати. Дома было пусто— жена и две дочки уже ушли на работу и в школу. Валера заглянул в холодильник— он был пуст, как зрительный зал утром понедельника.

— Одни яйца. А котлеты, а супчик где?— капризно спросил Валера вслух.— Три женщины дома, а питаться нечем.

Пожарив себе пару яиц, он сел за компьютер проверить «Контакт» и сразу наткнулся на сообщение от некой Ольги:

«Здравствуйте, Валерий. Я узнала о вас не так давно, но хочу сказать, что восхищаюсь вашим творчеством...»

Валера с любопытством усмехнулся. Поклонница, что ли? Та Жоркина знакомая, которая закатывала глаза, когда читала стихи? Точно, поклонница. Пишет, что даже посмотрела «Жизненный выбор» — откопала же в интернете это старьё!

При воспоминании о передаче Валера поморщился. В кадре там он смотрелся неплохо, но с реальностью рассказ имел не так уж много общего. В семнадцать лет, когда нужно было выбирать профессию, он подался куда глаза глядят, лишь бы не загребли в армию, — в пединститут на учителя биологии с географией. Учителем Валера кое-как выдержал один год и после этой пытки был согласен уже хоть на десант, хоть на стройбат. Попал он в итоге в мотострелковые войска, где оказалось вполне спокойно и даже оставалось время на самодеятельность: вторым голосом Валера пел строевые песни. Ещё в армии он завёл любовную переписку с Машей, которая после дембеля и помогла ему устроиться через знакомых на метеостанцию. Там, в отличие от школы, было тихо, мирно, однако до зубовного скрежета скучно. Бесконечные измерения температуры и влажности Валера терпел только ради наличия стабильной работы: через полтора года после армии родилась дочка. Когда ей исполнилось три года, появилась младшая, Ульяновка. Жена требовала: иди в геодезисты, бери репетиторство — зарабатывать как можешь. Но географию школьники почти не сдавали, а те немногие, что всё-таки выбирали этот предмет, в репетиторах не нуждались. По биологии Валера заимел пару учеников, но смог вытянуть их обоих только на четвёрки. А в геодезии он не видел себя никак: бесконечные расчёты и отчёты наводили на него тоску и на метеостанции, а тут ещё маячила вахтовая работа где-нибудь в глуши. Тайга и болотные топи Валеру совершенно не прельщали: он любил город, любил шумные ночные улицы, сотни огней вдоль северного шоссе, а природой предпочитал наслаждаться короткое время, пока горит мангал и светит летнее солнце.

Маша смотрела на метания супруга со злой иронией, называла то непризнанным гением, то Виктором Служкиным, когда посмотрела фильм про алкаша-географа. Хотя Валера, между прочим, почти не пил. Пил его отец, который умер в соседнем городке пять лет тому назад — скоропостижно, ещё молодым. Удивительного в его смерти, конечно, было мало: глотал в последнее время по пузырьку в сутки, путал позавчерашний день с позапрошлым годом, да что там — стал подчистую забывать, кто он, где и зачем. А ведь был когда-то нормальным человеком. Да был ли? Валера помнил, как учился не то в первом, не то во втором классе, а мать уже уговаривала папашу кодироваться.

Пьяный отец был смиренный, не дрался, не буянил, только, бывало, грустно и зло шутил да ни с того ни с сего начинал голосить песни.

Валера ещё в детстве стеснялся этого отцовского дикого пения, да и самого папаши этого его размашистыми, развязными манерами, привычкой здороваться с каждым встречным-поперечным. И в то же время, когда отец пел трезвым, Валера завидовал его сильному голосу. Завидовал и какой-то внутренней свободе, которую отец, несчастный, неприкаянный по жизни человек, обретал в своём пении. И не кто иной, как родитель, вспомнился Валере, когда он, получив в очередной раз свою скудную зарплату метеоролога, подумал: если уж работать полублаготворительно, не лучше ли делать то, что нравится?

Ничего не сказав жене, Валера записался на курсы вокала и стал заниматься пением с профессиональными преподавателями. Машка узнала об этом через пару месяцев и, конечно, подняла вопль. Чтобы было на что жить, два года Валера писал нерадивым студентам курсачи, рефераты, контрольные на заказ. Увидев объявление о том, что в музыкальный театр требуются исполнители, Валера набрался храбрости и позвонил, объявив, что профессионально умеет петь. На удивление, его взяли сразу: артистов мужского пола остро не хватало. Валера долго не мог поверить, что это оказалось настолько просто, и понял, где подвох, только с началом трудовых будней. Все роли в спектаклях были заняты опытными, «настоящими» артистами, а ему оставалась всякая мелочёвка, за которую давали денег курам на смех. Были ещё концерты перед государственными праздниками, но туда Валеру тоже не брали — там пели те, кто делал это давно и чувствовал себя на сцене как рыба в воде. Правда, Жорка пообещал, что насчёт ближайшего Восьмого марта постарается договориться...

По совету новых друзей Валера два года назад опубликовал объявление «Услуги тамады» и несколько раз веселил народ на чужих днях рождения и свадьбах. Платили за это солидно, а делать было особенно ничего не нужно: знай бегай среди гостей с весёлой рожей, шути да тормоши их. Но калымить таким образом Валера не любил: садиться за стол всегда приходилось с угла, украдкой, а когда гости оказывались уже изрядно проспиртованы и больше не нуждались в увеселении, Валера остро ощущал себя лишним и мечтал скорее оказаться дома, в тишине.

А в театре, где зрители сами приходили к тебе и твоим коллегам, хлопали и с нетерпением ждали спектакля, платили мало. Но Валера был рад и тому, что есть: запах кулис стал пьянить его с самого первого выступления, и уже через месяц работы в театре он вспоминал свои унылые преподавательско-метеорологические будни как тягучий,

унылый сон. Всё-таки в новой жизни, помимо спектаклей и репетиций, было много яркого, весёлого, феерверчного: новые знакомства, поездки, гости, встречи... И даже вон — поклонницы...

Валера с нетерпением открыл новое сообщение. Ольга писала, что тоже творческий человек, и присылала ему стихотворение такого содержания:

И снова осень, снова кружит листьев медь.

Иду по кругу я, с привычкою освоюсь.

Мне так хотелось, словно птица, полететь,

Но кем-то куплены билеты вновь на поезд.

Валера прищёлкнул языком. Ну написала же! Что-то в этом, однако, есть. Он перешёл на страничку адресатки. Там, ко всему прочему, значилось: «Замужем». Было несколько фотографий — то ли в каком-то техникуме, то ли в школе. Интересно, правда, откуда она?..

Тем временем пришло следующее стихотворение:

На жизнь не жалуясь — всё есть: работа, дом.

Однако сердце томит отчего-то.

Мне это высказать получится с трудом,

Но знаю, что есть в мире близкий кто-то.

Несколько секунд Валера в растерянности сидел перед монитором, недоумевая, чего же, в сущности, хочет сия загадочная незнакомка. Следующее сообщение не заставило себя долго ждать:

«Теперь стоит сказать, почему я, собственно, обратилась к вам... Вы не знаете Анатолия Ларионова? Он родился в 1963 году».

Дело принимало какой-то неожиданный и скорее неприятный оборот. Неужто батя где-то наследил, набедокурил? Что сделал-то? Оставил какие-нибудь долги по ЖКХ? Судился? Занял деньги и не вернул? В принципе, на него похоже... Но зачем тогда вся эта катавасия со стихами?!

«Да, знаю. Это мой отец», — сухо отозвался Валера.

Ответ последовал сразу: «Дело в том, что это мой отец тоже...»

Строчки поплыли у Валеры перед глазами. Отец ушёл от них, когда он учился уже классе в шестом. Ну как ушёл — стал жить отдельно, но периодически навещался, даже оставался ночевать... Мать говорила, что у него появилась какая-то женщина, и, хотя сама проклинала отца и кричала, что терпеть его не может, ревновала и требовала, чтобы отец бросил пить и шляться по бабам. Наконец он уехал, пропал на год-полтора совсем; потом, когда Валера заканчивал девятый, прислал ему письмо, пригласил к себе. Доехал до него Валера только в семнадцать лет. Оказалось, что живёт отец в общаге, в комнате вместе с какой-то потрёпанной дамой неопределённого возраста, которая представилась как Аллусик. На столе стояли дешёвая закуска и початая бутылка,

под столом — пара пустых пузырей. В комнату заскакивал ребёнок, девчонка лет пяти-шести — то ли папкина с Аллусиком, то ли просто Аллусика, то ли Бог его знает чья.

«Сестра... Да у папаша таких дочерей, может, в каждом населённом пункте, где он побывал...» — с цинизмом подумалось Валере.

Впрочем, бывал он, наверное, немного где — на поездки да переезды ведь нужны деньги... Помаявшись ещё несколько лет, отец попробовал вернуться в родное гнездо — в деревеньку под Томском. Там он тоже прибил к какой-то тётке; а потом, видно, окончательно запил и опять переехал в городок, в общагу, где жил с Аллусиком, только той уже простыл след. Последний раз Валера видел его за год до смерти и не мог понять, чего испытывает к отцу больше: жалости или брезгливости. Пожалуй, что последнего.

«Можем мы встретиться?» — интересовалась упавшая на голову сестрица.

Перед глазами у Валеры замаячили линялая, грязная голубая отцовская рубашка, обрёмканные широкие джинсы и, главное, пьяная, бессмысленная физиономия. Хотелось закрыть «Контакт» к чёртовой матери, тем более что уже было пора собираться на репетицию.

Навязчивая Ольга тем временем уже писала, где она живёт.

«Приходите ко мне на спектакль», — из вежливости ответил Валера.

«На какой?» — последовал закономерный вопрос.

Варианта ответов тут было два — сказка или мюзикл с рекламным названием «Стань счастливой». Общаться с внезапно обрётённой родственницей Валере не очень хотелось, но внимание, которое могли проявить к его творчеству, всё же взяло своё. Пусть приходит на новый мюзикл — и забавно, и танцевально, и песенно... Не звать же её на спектакли посolidнее, где у него вся роль из десятка слов!

5.

После мюзикла Валера ничего не писал Ольге и тем более не звонил, но на второй день после спектакля поймал себя на мысли, что очень ждёт от неё ответа. Неужели совсем не понравилось?... Прислала бы хоть смайлик... До вечера Валера четыре раза заглянул в «Контакт» и удовлетворённо выдохнул, когда, наконец, увидел там сообщение:

«Представление было увлекательное!»

«А что понравилось больше всего?» — поинтересовался Валера, надеясь, что в числе перечисленных достоинств окажется и его игра.

«Главная героиня. Ваш персонаж тоже интересный! А ещё хорошие тексты и музыка».

Либретто и музыка впрямь были хороши, не чета дешёвым декорациям. Валера мысленно похвалил собеседницу за понимание искусства и, сам от

себя не ожидая, спросил, какую она любит музыку. Та ответила, что русский рок, народную и романсы.

«Но больше, мне кажется, я разбираюсь в поэзии. Вот и сама сочиняю стихи...»

Валера уже приготовился прочитать очередные стихи, как рядом с компьютером неожиданно материализовалась жена Маша.

— Кому это ты пишешь? — прищурился близорукий глаза, тут же спросила она супруга.

Валера только успел открыть рот, как Маша выхватила у него из рук мышку и прицельно щёлкнула по аватарке.

— Рассказывай, кто такая.

— Ты не поверишь! — ответил ей Валера нтв-шной фразой. — Сестра моя.

— Да что ты говоришь?! — наигранно удивилась Маша, покачивая головой. — Сестра? Тройродная, наверное?

— Родная, — у Валеры вырвался нервный смешок.

От волнения он провёл ладонью по лицу и бойко стал объяснять, что произошло, пытаясь скоростью речи скрыть прорывающееся почему-то стеснение.

Маша хмуро выслушала, потом прокрутила страницу. Поводила курсором мышки по Ольгиному портрету.

— Тут интересно вот что, — заговорила она. — Если это правда твоего папаши дочка, а не просто аферистка, каких тысячи... Зачем она тебя ищет? С какой целью?

— Ну как с какой? — искренне удивился Валера. — Батю нашего решила найти, гены там вспомнить... А его уже Бог прибрал. А тут я, — весело развёл он руками.

— «А тут я!» — передразнила Маша. — Хвостик от свиньи. Так ты ей и нужен. Квартира, значит, или комната осталась от вашего папаши-алкаша. Ты же сам говорил, что он в общежитии жил. Вот комната и есть.

Слово «алкаш», сказанное об отце, резануло Валеру сильнее «свиньи» и вызвало ответное желание сказать жене что-то грубое:

— А откуда ты это вывела? Всех по себе меришь? Ишь, умная какая, юристка-правоведка. Кругом у тебя мошенники сидят. Так слушай: не было, не было у отца ни черта! Комнату эту несчастную он снимал! А до того у бабы жил. Так что нету здесь шурного интереса. Корни человек решил найти! — Спусти столько лет? — недоверчиво спросила Маша, слегка обескураженная напористым тоном.

— Ну да! Встретиться вот хочет.

Маша поджала губы:

— Не знаю, не знаю... Где-то врешь ты, Ларионов. Может, врешь и сам себе веришь, у тебя так бывает. Сестра какая-то, отца ищет... Бразильские сериалы давно из моды вышли. Не верю я тебе.

— Как обычно, — сухо сказал Валера, уже понимая, что встретиться с Ольгой будет нужно, жизненно

необходимо — пускай даже один-единственный раз.

6.

Он и сам не смог бы объяснить зачем. Более того, какая-то его часть противилась этой встрече, упорно не желала её. Сестра была живым поводом к тому, чтобы всколыхнуть прошлое — и не просто Валерины воспоминания о сопливом детстве, а какое-то общее прошлое, которое до сих пор лежало, убаюканное забвением, как какое-нибудь золото Рейна под толщей воды. Не знаешь, что найдёшь, если полезешь туда: не то счастье и богатство, не то сплошное разочарование.

Встречу Валера назначил в большом кафе, где сейчас, в суматошную предновогоднюю пору, уже запустился конвейер вечеринок. Оба зала украсили свежими еловыми ветками — это очень шло к стенам из бруса и вообще ко всей обстановке кафе, сделанной в лубочно-русском вкусе. Рядом за столиками разговаривали, смеялись, звенели бокалами. В дальнем, большом, зале мелькали по потолку цветные огни, слышались хмельные возгласы большой компании. Пёстрое многолюдство веселило Валеру, унимало волнение.

Ольгу он заметил сразу — угадал внутренним чувством, хотя она была не совсем похожа на своё отфотошопленное фото со страницы вк. Рядом с ней был мальчик лет семи-восьми — должно быть, сын.

— Ну, здравствуйте, что ли! — бодрым тоном поприветствовал их Валера. — Здравствуй, здравствуй, — он крепко пожал мальчишке руку.

— Меня Иван зовут, можно Ваня, — серьёзно представился мальчуган.

— А это дядя Валера, — поспешила сама сказать Ольга.

Заказали шашлык, греческий салат, мороженое. Валера охотно взял бы варёную картошку с селедкой, чтобы закусить под водочку, но, посмотрев на серьёзного, одетого в рубашку с галстуком ребёнка, постеснялся. Выбрал красное вино — праздничный, красивый напиток.

— Я вино и шашлык оплачу, а салат с мороженым — вы, — предупредил он Ольгу.

Вино и салат принесли быстро. Чокнулись, выпили, закусили. Ольга растерянно улыбалась и, по всему было видно, хотела заговорить, но не знала, с чего начать.

— А я вот — фотографии принёс, — всё тем же бодрим дедморозовским тоном прогудел Валера.

Он извлёк из портфеля несколько чёрно-белых и снятых на «Полароид» снимков, разложил их на свободном пространстве, будто карточный пасьянс:

— Вот отец в походе, с гитарой. Это он ещё был совсем молодой, ну, до нас.

— Хипповый какой, — удивлённо усмехнулась Ольга, посмотрев на парня, облачённого в джинсовку и клешёные джинсы.

— Вот он с другом на дне рождения. Ну а вот сидит со мной. Тут мне годика четыре. Эту фотографию я у него люблю. Хорошо, что их целых три. Так что одну дарю вам.

— Большое спасибо, — изрёк умный ребёнок. — Я давно хотел посмотреть на своего второго дедушку. У моего друга Ильи два дедушки, а у меня только один. Теперь я знаю, что был второй.

— Угу, — кивнул Валера, удивившись такой разговорчивости детёныша: его дочки при гостях всегда молчали, как воды в рот наберут.

Улыбнувшись свежеспечённым родственникам приветливо, точно зрителям, Валера вытащил из внутреннего кармана пиджака ручку и красивым летящим почерком вывел надпись: «На добрую память сестре Оле и племяннику Ване. В память о нашей встрече».

Слова, которые Валера по собственному же почину начертал на снимке, точно взяли его в плен. Будто теперь только он в самом деле осознал, что перед ним сестра — единокровная, плоть от плоти беспутного, в водочном угаре сгоревшего отца, живая о нём память, а рядом — сын сестры, родной племянник, в котором, стало быть, тоже течёт доля отцовской крови. Он пригляделся к Ольге внимательней: глаза у неё были тёмно-голубые с ободком вокруг зрачка, отцовские, да и волосы пушистые, как у него. Ребёнок на деда Толю походил меньше, но в его лице тоже было что-то неуловимо похожее — может быть, правильный овал или яркие крупные губы.

Принесли дымящееся, ароматное горячее. Ольга попробовала небольшой кусочек, отложила вилку.

— Что, не нравится? — забеспокоился Валера.

— Нет, почему... Ты расскажи немного о себе, о своей работе. Мне так понравилась передача, в которой ты снимался! — восхитилась Ольга. — Надо же, какая у тебя смелость! Взят и поменял жизнь.

Валера посмотрел на неё с удивлением: сестра спрашивала не о том, о чём ему больше всего хотелось рассказать:

— Какая там смелость? Тут не в смелости дело. Не мог уже больше я на этой станции, да и всё. Задолбался: одно и то же, одно и то же... Не с моим это характером. Ради денег только терпел. Учителем пойти — так учитель из меня никакой. И платят мало. В техане ещё хуже: деньги те же, а пахать до вечера. Вот я и решил: лучше уж делать что нравится. Я ведь с детства петь люблю. Подучился, в театр вот даже повезло устроиться. Только думаешь, мне за это нормально платят, что ли?

— А что, нет? — расстроено спросила Ольга.

— Нормальные роли более опытным людям дают. А я до тридцати лет всё, видишь, себя искал... Они, конечно, правильно делают. Я петь-то немного

умею... ну да, умею — что скрывать! — а играю не очень... Первое время так вообще как дерево себя на сцене чувствовал... — признался Валера.

— Тебе, наверное, в рекламе на улице можно подрабатывать, — сказала Ольга.

— С нами крёстная сила! — дурашливо перекрестился Валера. — Лучше уж тамадой. Тамажу иногда, сейчас дедморозим с коллегами. Нынче вот только выходной, а завтра весь вечер кататься будем по адресам. Где-то люди адекватные, где-то и не очень... Однажды приходим, а там драка. Бутылкой в меня кинули... Ну а что делать? Работать надо. Две дочки же: одна вон на пианино играет, другую мать на волейбол записала. И поесть надо, и за квартиру заплатить. Всё денег стоит.

— Всё равно я тебе завидую, — настаивала Ольга. — Работа интересная. А у меня... ну, тоже иногда бывают всякие мероприятия, тут вот писатели приезжали на встречу со школьниками...

— Вот видишь, и у тебя в работе плюсы есть, — подбодрил её Валера.

— Ну да, я люблю проводить события, выставки, встречи... Да вот что плохо — большая материальная ответственность. Стулья однажды дети попортили, так, представляешь, директриса чуть с потрохами не сожрала меня! А в другой раз фура с учебниками пришла на две недели позже. Тоже всю душу из меня вытрясла... А если перейти простым библиотекарем, то зарплата будет на треть меньше.

Валера понимал, что надо посочувствовать, но не находил слов и почему-то сказал:

— Понятно. У отца с деньгами тоже не очень ладилось.

Ольга улыбнулась, подпёрла подбородок кулаком:

— Почему не ладилось? Чем он занимался, что любил? Кстати, ты не расскажешь, почему он из нашего города уехал?

— Гм. Дак почему... — Валера пожал плечами, собрал фотографии в стопку. Поглядев на ребёнка, ответил отстранённо: — Рыба ищет где глубже, а человек — где лучше.

— Ну, это общая фраза... А всё-таки? И почему умер так рано?

Валера посмотрел на неё с неприятием. Вправду, что ли, не понимает или прикидывается? О мёртвых или хорошо, или ничего. По крайней мере, при ребёныше.

— Пить он любил, — сказал всё-таки Валера, и эти его слова потонули во взрыве смеха, донёсшегося из соседнего зала.

— Что? — переспросила Ольга.

— Водку любил, говорю. Дорогу ещё любил. На одном месте долго не мог сидеть. Врать любил: одной одно говорил, другой — другое... Баб любил.

С каждым словом тон Валеры становился веселее и злее. На ребёнка он уже не оглядывался:

сестра сама привела его, сама пусть и объясняет, что к чему.

Ольга уже не улыбалась, а смотрела голубыми глазами растерянно, непонимающе.

— Но ведь было же в нём и хорошее? — спросила она.

Валера вздохнул, досчитал до пяти, чтобы успокоиться. Ольга стала раздражать его своими дурацкими, наивными вопросами. Он почему-то ожидал, что она окажется тем человеком, который будет понимать всё без слов. Но она ничего не понимала, обо всём узнавала впервые, да ещё, кажется, намечтала себе красивый образ потерянного папы. Хотелось отрезать её, вернуть из этих мечтаний в реальность — может быть, затем, чтобы и она тоже почувствовала боль за отца, которая мучила Валеру уже несколько лет. — Было. Да сплыло, — отрезал Валера и налил себе ещё вина.

У Ольги задрожали губы:

— Отец же всё-таки... Мне на личном тренинге сказали, что связь с родителями очень важна, это корни... Мы от них энергию берём, силу для жизни, мы на них всегда чем-то похожи...

— Не похож я на него, — сказал Валера нарочито грубо. — Тоже спитесь мне предлагаешь, что ли?

Маленький умник вmeshался:

— Вы знаете, у моего друга Ильи тоже отец пьёт... Не может от вредной привычки избавиться. А ведь проблемы от водки не исчезнут!

— В кого он у тебя такой разумный? — кивнул Валера на мальчишку.

— В папу, — уверенно ответила Ольга. — Муж у меня кандидат наук.

— Ну а разговорчивый уж в нашу породу, — хохотнул Валера.

— Да, это точно. Поговорить любит, как и я... Не обижайся, если что лишнее сказал, он же маленький. Спасибо тебе за шашлык, кстати, очень вкусный, — поблагодарила Ольга.

Валера всегда был отходчив и после добрых слов почувствовал, что если и продолжает злиться, то уже не на сестру. Страстно захотелось говорить, чтобы в словах выплеснуть накопившуюся боль: — Тебе спасибо... Это что — настоящий шашлык только на природе бывает. Вот в походе или на даче по свежей травке... Батя в походы ходил. Со своими какими-то друзьями. Меня раза три брал. Весело у них было. Выпивали, конечно, но не до потери пульса. Папаша на гитаре играл. Женщины какие-то были тоже... Смеялись, пели. Мы с одним пацаном по косогору лазили, цветы обрывали... Летом купались. Умели люди отдыхать...

Валера замолчал, подумав мельком, что, может быть, хватит воспоминаний, но Ольга смотрела внимательно, самым сосредоточенным образом. Он продолжал:

— Дед председателем колхоза был, домовитый вроде человек. Две дочки у них с бабкой родилось

да вот наш отец. Дочки в Томск поехали учиться, замуж вышли там. Я их толком и не знаю. Хотя тётки вроде бы.

— Не искал? — спросила Ольга.

— Нет. Зачем? Последний раз ещё в школе был, по телефону их с Девятым мая поздравил. Деда вспомнили — дед же воевал... А тётки и сами не искали нас. Такого родственничка, как папаша, не каждому хочется иметь. Ты ведь, Оля, может, и не одна у него такая дочка. Он с матерью моей жил, потом, выходит, с твоей, — да ещё от моей-то в это время толком не ушёл, потом с какой-то Аллой, потом ещё с одной... Пока не спился с круга. Находил же, это... — Валера усмехнулся, — любовь-то себе. Видать, что-то в нём было.

— Самый обаятельный и привлекательный, — улыbnулась Ольга.

— М-да... Приятный был на рожу, сама видишь, — кивнул он на верхнее фото из пачки.

— Да и ты тоже, — похвалила брата Ольга.

— Ну и ты не отстаёшь, — сказал Валера в ответ и опять приснул смешком.

7.

Голова у него затуманивалась от вина, усталости, густых запахов кофе, жареного мяса, ароматизированного дыма. Стоило только прикрыть глаза, как перед ним заплясали, запрыгали разноцветные точки, похожие на гирлянду над барной стойкой кафе. Одна из точек приблизилась и стала пятном, из которого вырисовалась картинка: знойное лето, речка, песчаный берег — и он, Валерка, маленький, шестилетний, брызгается в воде, взвизгивает от счастья. Рядом — другие дети, имён их он не помнит, да и лиц не разобрать, плещут на него водой, ныряют, тоже радуются лету, долгожданному теплу. Потом все вместе вылезает из воды и садятся к столу: на мягкой траве постелена клеёнка, а на ней — алые ломти арбуза. И отец протягивает ему кусок, и сладкий сок течёт у Валерки с подбородка, а отец смеётся, хлопывает его прохладной ладонью по спине.

Сколько же времени прошло с тех пор, и сколько иных, горьких, воспоминаний заслонило эту далёкую картину из прошлого! Мама хлопала дверью, ругалась, плакала. Кричала Валерке: «Не говори мне про твоего отца!» — но сама беспрестанно жаловалась на него подруге. А когда он окончательно уехал, то плакать перестала, сделалась выдержаннее, строже, а иногда и злей. «Ну, в папашу весь!» — сказала она, когда Валера принёс из школы грамоту за первое место в конкурсе самодеятельности. И было это сказано так жестоко, что Валерка понял: быть как папаша — нельзя. Что там мать, так говорил даже и дед, солидный человек, председатель колхоза: когда умерла бабушка, он всерьёз утверждал, что если бы не беспутный сын, надорвавший ей сердце бесконечными переживаниями,

Верочка прожила бы подольше. И Валера старался быть как мать, как дед, как прочие серьёзные, строгие люди. Такие, которых уважала жена Маша и ставила ему в пример: начальник на её работе, деверь-программист, ну и, в первую голову, тесть, у которого было даже имя солидное, не абы что,—Пётр Степанович. Не то что папаша—Толя... Так и просится на язык: Толик-алкоголик. Напророчили ребёнку судьбу этим именем... — Валера, ты спать хочешь? Ты устал?—донёлся до него ласковый голос сестры.

— Что? А, есть немного... Извини,—встряхнулся Валера.— Говорю же, в последнее время часто выступаю. И в театре, и Дедом Морозом я ещё подрабатываю. Сегодня вот на удивление свободный вечерок выдался.

— Были, были мы в вашем театре,—важно заметил племянш.— Понравилось представление, только слегка дороговато.

Валера захохотал:

— Это кто тебе про «дороговато» сказал?

— Мама с папой,—выдал родителей Ванька.

— Нет, интересный он у тебя!—совсем оживился Валера.— А у меня вот сына нет. Только две девки. Ну, они, конечно, хорошие... Одна в волейбол играет, другая на пианино... Мать всё развивает их. Познакомлю вас, может?!

— Давай,—согласилась Ольга.

Валера чувствовал, что между ними стёрлась граница, какая бывает между малознакомыми людьми и заставляет их говорить друг другу только приятные вещи. За последние минуты приятного он сказал Ольге мало, однако она продолжала слушать, и даже в её взгляде ни разу не мелькнуло осуждение. Ему всё больше нравилась Ольгина скромная улыбка, тёмно-голубые, как у отца, глаза. Он в самом деле захотел пригласить сестру и племянша в гости. Представить этого маленького умника своим девочкам. Сказать им: вот, девки, ваша тётя и двоюродный брат. Они, понятно, удивятся... Валера представил эту картину—и сразу вообразил недовольную Машу, потом тестя Петра Степановича, который уж точно не поймёт, что это за свежеепечённые родственники... Как Машка сказала: бразильские сериалы вышли из моды. Нет, видно, жизнь уже устоялась, вошла в колею... Пусть лучше, что ли, приходит в театр. — Оля, а ты вообще театр любишь? Только честно говори,—попросил Валера.

— Театр? Люблю, конечно. Правда, больше всего драматический, наверное. Но мюзикл, оперетта—это тоже здорово. Знаешь, если бы я хоть немножко владела нотной грамотой и умела взять пару аккордов, я бы свои стихи положила на музыку. Стихи не все люди приучены читать, а вот песни с удовольствием слушают... Я вот всегда, когда мне грустно, слушаю музыку. Только не такую, конечно, как тут.

Они сидели в кафе уже около часа, и Ольга начала уставать и от примитивного уханья из динамиков, и от присутствия множества посторонних. Ей было неловко оттого, что во время такого важного разговора рядом сидели и ходили совершенно чужие люди, у которых были свои дела, свои праздники и заботы, и люди эти к тому же становились, кажется, всё крикливей и шумнее.

Тренерша-психологиня набросала целый список вопросов об отце, который Ольга положила с собой в сумку, но, только завидев брата, не стала даже доставать. Слишком очевидным оказалось то, что реальность и близко не походила на курсы. Тренерша говорила что-то об истории любви между мамой и папой, о подробностях отцовского детства. Насчёт любви Ольге и раньше, до встречи с братом, уже всё было понятно, а расспрашивать про детство отца казалось попросту неинтересно. Что касается успешности и материального благополучия, то их в отцовской жизни было, кажется, куда меньше, чем в Ольгиной... Нужно было ещё мысленно поблагодарить отца, но, к ужасу своему, Ольга не находила ничего, за что ему можно было бы искренне сказать спасибо. Разве только за то, что родил её в этот мир? И тут же оставил?

— Валера, а ты можешь сказать, за что благодарен нашему отцу?—спросила она брата.

— Благодарен? Да особо-то не за что, конечно... Сколько слёз от него с матерью хлебнули. Ну а так... За некоторые счастливые моменты. Умел человек жизни радоваться.

— Может, за это ему и спасибо?—с надеждой сказала Ольга.

— В смысле? Так радовался, что нас народил?—усмехнулся Валера.

— Типа того... Гены подарил.

— И Чебурашки,—пошутил долго до этого молчавший Ванька.

Валера одобрительно посмотрел на племянника: — Гляди, ну и шутник! Артист разговорного жанра. Это ведь не иначе как тоже отца нашего гены. Он ведь весёлый был, всё у него песни, басни... Слышишь, Иван? Я тебя в гости приглашу и с девочками своими познакомлю. Одну Инга зовут, другую Ульяна. Они хорошие, понравятся тебе. В парк сходим, погуляем,—Валера говорил и верил себе сам, где-то в глубине души понимая, что гости и уж тем более парк будут навряд ли, но ему необходимо было хотя бы сказать об этом.

— Мама, скоро домой?—впервые за встречу произнёс Ванька простую детскую фразу.

— Скоро, сыночек.

Ольге в эту минуту не хотелось уходить. Она желала, чтобы вечер длился как можно дольше, потому что слишком хорошо понимала: стоит переступить порог этого кафе, как их с братом пути, скорее всего, разойдутся снова. Она собиралась на сегодняшнюю встречу, лелея детскую надежду

услышать романтический рассказ о трудной и необыкновенной судьбе отца. Такой рассказ она и сама составила для себя в детстве, когда узнала от матери, что дядя Лёша для неё не родной папа. Но теперь, когда об отце открылась самая что ни на есть сермяжная правда, Ольге стало неожиданно легко, будто в картину из пазлов, которая долго лежала неоконченной, вложили недостающий кусочек и теперь она стала собранной целиком.

— Спасибо тебе, Валера, — от сердца поблагодарила Ольга.

— Тебе спасибо. Это, может, не столько ты отца нашла, сколько я. Из нашей родовой, родни то есть, никто не любил про него вспоминать, а мне хотелось. Отец всё ж таки. Какой уж есть.

— Это точно, — глубоко вздохнула Ольга. — Слушай, ты нас не подвезёшь? А то придётся Андрею звонить, чтоб забрал.

Валера покачал головой:

— Да у меня и машины-то нет.

— Как нет? — изумилась Ольга.

— Обыкновенно. Был «Датсун», да продали. Моторики больше. Бензин жрёт, время твоё жрёт — на обслуживание, на ремонт. А пользы от него — на дачу только ездить, багажник большой. Проще на электричку упасть. Едешь, а за окном сосны, берёзы, поля мелькают... Романтика! И воздух не портится.

— Станный ты, — пожала плечами Ольга. — Как же с семьёй и без машины? И за покупками съездить, и в гости, и за город опять же... Вот у мужа «Приора», так нам её не хватает, покомфортабельней хочется. — А ты не странная? — фыркнул Валера. — На старости лет, можно сказать, такие сообщения пишешь: «Здравствуйте, я ваша сестра». Это ж, мать моя, обалдеть просто.

— Ну да, наверное, — слегка обидевшись, согласилась Ольга и стала набирать эсэмэску мужу.

Несколько минут они с Валерой молчали. Всё, что обоим хотелось сказать, было сказано, и теперь между ними повисла гулкая тишина, которую не в силах была заглушить даже дискотечная музыка в кафе.

Перед тем как уехать, Ольга помахала брату. В чёрной вязаной шапке, простецком сером пуховике он казался ничуть не похожим на того сказочного богатыря, каким смотрел с театральной фотографии. Ольге теперь было смешно и неловко вспомнить, как она стала приписывать ему некую успешность, чуть ли не роскошную жизнь. Это всё Ленкино влияние — помешалась на этой успешности, коучах, курсах... Набежало этих коучей, как нерезаных собак. Говорят банальные вещи, так ещё и деньги берут... Всех прости, всех люби, проснись и пой. Одно хорошо — с братом вот хоть познакомилась... И то кто его знает зачем...

Телефон в Ольгиной сумке завибрировал. От Валеры пришла эсэмэска: «У тебя хорошие стихи. Можешь попробовать сочинять песни. У меня есть друг, Жора, напишет музыку. Будем исполнять на наших концертах. Пришлешь?»

Ванька уснул, откинувшись назад на сиденье. Из внутреннего кармана расстёгнутой куртки торчал край дедовской фотографии. Ольга хотела вытащить её, убрать в сумку, но сын во сне махнул рукой, закрыл грудь.

— Как встреча прошла? — поинтересовался муж. — Хорошо, — ответила Ольга. — Дай Бог, не последняя.

Она открыла сообщение от Валеры и, поколебавшись секунду, написала: «Пришлю».